

Оглавление

Пролог 6

Часть 1

Глава 1.....	15	Глава 10.....	62
Глава 2.....	22	Глава 11.....	66
Глава 3.....	27	Глава 12.....	71
Глава 4.....	32	Глава 13.....	75
Глава 5.....	38	Глава 14.....	83
Глава 6.....	44	Глава 15.....	88
Глава 7.....	50	Глава 16.....	95
Глава 8.....	54	Глава 17.....	99
Глава 9.....	58		

Часть 2

Глава 18.....	105	Глава 28.....	158
Глава 19.....	112	Глава 29.....	163
Глава 20.....	118	Глава 30.....	170
Глава 21.....	123	Глава 31.....	175
Глава 22.....	128	Глава 32.....	181
Глава 23.....	132	Глава 33.....	185
Глава 24.....	138	Глава 34.....	190
Глава 25.....	143	Глава 35.....	196
Глава 26.....	148	Глава 36.....	201
Глава 27.....	153	Глава 37.....	207

Часть 3

Глава 38.....	215	Глава 49.....	267
Глава 39.....	218	Глава 50.....	273
Глава 40.....	221	Глава 51.....	277
Глава 41.....	227	Глава 52.....	282
Глава 42.....	234	Глава 53.....	287
Глава 43.....	237	Глава 54.....	292
Глава 44.....	241	Глава 55.....	297
Глава 45.....	245	Глава 56.....	301
Глава 46.....	251	Глава 57.....	305
Глава 47.....	257	Глава 58.....	309
Глава 48.....	262	Глава 59.....	313
Эпилог.....			317

Каждое событие настоящего связано
с прошлым и ведет к будущему.

Герберт Спенсер, философ

Пролог

1741 год, Санкт-Петербург

Ночь выдалась студёной и тёмной. Бешено мчащиеся по заснеженному городу сани в сопровождении группы всадников с факелами заставляли редких прохожих прижиматься к стенам домов. Кавалькада пронеслась по узким улочкам Преображенской слободы и остановилась напротив съезжей избы, где располагались канцелярия и штаб полка. Часовой поднял было тревогу, начал бить в барабан, но один из всадников, спешившись, ударом кулака повалил солдата на землю. На шум явился дежурный унтер-офицер, его быстро обезоружили и связали. Впрочем, сопротивления он не оказывал. Сопровождавшие сани люди побежали в казармы, откуда к избе повалили наспех одевшиеся солдаты. Никто не понимал, что происходит. Собравшаяся изрядная толпа глухо гудела и постепенно сжимала круг. Сидевшая в санях молодая женщина поднялась в полный рост и скинула шубу. Под шубой оказалась тяжёлая кираса. В руке женщина держала серебряный крест. В свете факелов на груди сверкнул орден

ТАБАКЕРКА ИМПЕРАТРИЦЫ

Святой Екатерины. Толпа замерла, потом восторженно взвыла.

— Знаете ли вы, кто я? — крикнула женщина.

— Елизавета Петровна, дочь Петра Великого! — дружно прокричали в ответ.

— Верны ли вы мне? Пойдёте ли со мной?

— Веди нас, цесаревна!

Елизавете подняла вверх крест:

— Присягайте!

Солдаты упали на колени, повторяя за вышедшим вперёд гоф-интендантом Алексеем Розумом* слова присяги.

Из Преображенской слободы несколько сотен гвардейцев двинулись маршевой колонной вслед за санями в центр города. Прошли по всему Невскому проспекту до Адмиралтейской площади. Когда до Зимнего дворца осталось не более двухсот метров,

* Алексей Розум — певчий придворной капеллы. родился в 1709 г. на хуторе Лемеши недалеко от Чернигова. Его отец Григорий Розум, числился реестровым казаком, фактически вел жизнь крестьянина. У Алексея проявился прекрасный голос, он учился у местного дьячка церковному пению. Село, где пел в церкви Розум находилось на тракте между Киевом и Петербургом. В 1731 г. здесь проезжал полковник Фёдор Вишневский, возвращавшийся в Петербург из Венгрии. Он был очарован пением Алексея Розума и уговорил его поехать в столицу, где устроил певчим в придворную капеллу. Там его увидела Елизавета Петровна, на которую внешность и очаровательный голос молодого певчего произвели исключительное впечатление. Алексей Розум из певчих перешел в штат двора Елизаветы и вскоре занял в ее окружении место прежнего фаворита Алексея Шубина. Он получил при небольшом дворе Елизаветы должность гоф-интенданта, т. е. вел имущественные и хозяйственные дела принцессы. Позже получил титул графа Разумовского.

Елизавета оставила сани. Солдаты побежали, два рослых гренадера подхватили Елизавету, подняли на плечи и понесли.

Штурмовать Зимний не пришлось. Завидев толпу вооружённых людей, караулы разбежались. Часть, узнав, кто командует преображенцами, примкнула к наступающим. На первом этаже капитан, начальник охраны, выхватив саблю, скомандовал: «На караул!» Его тут же сбили с ног, в грудь упёрся штык. Изящная ручка в белой перчатке отвела штык в сторону.

— Не надо крови, — произнесла Елизавета негромко. — Где Иоанн Антонович?* — спросила она у смертельно побледневшего капитана.

— Император в покоях, на втором этаже, вместе с правительницей Анной Леопольдовной и генералиссимусом**.

Елизавета решительно направилась к ведущей на второй этаж широкой мраморной лестнице. Кто-то крепко взял её за руку, останавливая. Елизавета рез-

* После смерти в 1740 году императрицы Анны Иоанновны, дочери старшего брата Петра I, царя Ивана Алексеевича, императором объявлен ее внучатый племянник Иоанн Антонович. Ему было два месяца от роду. Находясь в колыбели, он вступил на трон под именем императора Ивана III. Иваном I считался в данном случае Иван Грозный, который первым принял титул царя. В современной литературе Иоанна Антоновича чаще называют Иваном (Иоанном) VI, в этом случае Иваном I является Иван Калита, а Иван Грозный — это Иван IV.

** Правительницей при малолетнем императоре была объявлена мать Ивана VI Анна Леопольдовна, племянница Анны Иоанновны. Её мужем был принц Брауншвейгский Антон Ульрих. С приходом Анны Леопольдовы к власти ему пожаловали редкий и исключительно высокий военный чин генералиссимуса.

ТАБАКЕРКА ИМПЕРАТРИЦЫ

ко обернулась, собираясь поставить наглеца на место, но гневная тирада застряла в горле. Это был её личный врач Иоганн Лесток*, один из немногих людей, пользующихся бесконечным доверием принцессы.

— Вам не надо туда, моя повелительница, — мягко произнёс Лесток, глядя Елизавете в глаза. Его мягкий, убаюкивающий голос и гипнотический взгляд чёрных глаз произвели обычное воздействие. Елизавета разом обмякла, боевой настрой покинул девушку. Она растерянно оглянулась, как будто не понимая, где находится.

— Но...

— Вам не надо туда, повелительница, — повторил Лесток. — Езжайте во дворец, мы всё уладим.

Он вскинул руку, подзывая двух корнетов из приехавшей с принцессой свиты.

— Отвезите цесаревну во дворец, головой отвечаете!

Корнеты обнажили сабли, встали по бокам. Преображенцы почтительно расступились, образуя живой коридор.

— Иоганн, прошу, — Елизавета прижала руки к груди, — только без крови!

— Обещаю, повелительница.

Бесконечно тянулась долгая ноябрьская ночь. Елизавета молилась в своих покоях во дворце на Ца-

* Иоганн Лесток, личный врач Елизаветы, происходил из семьи французских гугенотов, эмигрировавших в Германию в конце XVII в., состоял одно время хирургом и цирюльником при дворе герцога Брауншвейг-Целльского, а затем приехал в Россию и стал врачом при дворе Петра I.

рицыном лугу, ожидая известий. Наконец послышались быстрые шаги, дверь распахнулась, на пороге возник верный друг и тайный возлюбленный Алексей Розум. Принцесса бросилась к нему. Розум повалился на колени.

— Что с тобой?! Встань!

— Не смею, императрица Елизавета Петровна! Дозвольте слово молвить.

Елизавета остановилась, выпрямилась. Что-то величественное появилось во взгляде и осанке.

— Говори.

— Правительница и супруг её принц Брауншвейгский арестованы. Младенец Иоанн с ними.

— Бедный невинный младенец. Его родители одни виноваты.

— В полках и на кораблях получен приказ о приведении к присяге императрице Елизавете Петровне. Немецкие шпионы и казнокрады Остерман и Миних* арестованы.

За окнами дворца нарастал шум, ночь осветилась всполохами пламени.

— Что там? — с тревогой спросила Елизавета.

— Народ твой пришёл приветствовать тебя. Выйди на балкон, императрица.

— Встань, пойдём со мной, князь.

— Ты попутала, матушка императрица. Я не князь, я Алёшка Розум, холоп твой.

* Высшие сановники при дворе правительницы Анны Леопольдовны: Андрей Остерман, руководитель внешней политики, канцлер и член Кабинета министров; Бурхард Кристоф Миних, президент Военной коллегии, фельдмаршал.

ТАБАКЕРКА ИМПЕРАТРИЦЫ

Глаза Елизаветы сверкнули.

— Как смеешь ты перечить императрице! Встань, князь Разумовский, идём со мной!

Площадь перед дворцом была заполнена людьми, люди шли, бежали отовсюду. Горели костры, факелы. Шеренги гвардейцев сдерживали напор, не позволяя особо ретивым прорваться во дворец. Появление Елизаветы на балконе было встречено дружным рёвом. Раздались крики: «Здравствуй, наша матушка! Здравствуй, императрица Елизавета Петровна!». В воздух полетели шапки. На глаза Елизаветы навернулись слёзы, говорить она не могла, подняла руку, перекрестила толпу. Снова восторженный рёв прокатился над площадью, люди вставали на колени, крестились.

Когда вернулись в покои, новоиспечённый князь протянул императрице раскрытую ладонь. На чёрном бархате лежал изумительной красоты крупный бриллиант, сверкнувший розовым цветом в свете свечей.

— Возьми, Елизавета Петровна, это твоё!

— Что это?

— Подарок тебе от персидского шаха Надира*. Помнишь, посольство приезжало? Изменник Остерман утаил. Ныне пытался скрыться, злодей, пере-

* Всегда осторожный канцлер Остерман необдуманно обидел Елизавету. Осенью 1740 г. в Петербург прибыло диковинное посольство от персидского шаха Надира. Он намеревался посвататься к Елизавете, прислал в подарок. Еще один слон оказывается не учтен. Остерман утаил этот подарок. Привёз ли на самом деле шах большой и редкий бриллиант, неизвестно.

Сергей Леонтьев

оделся монашкой и камень хотел унести. Но Господь не допустил святотатства, распознали шпиона, схватили.

Елизавета взяла бриллиант*, залюбовалась.

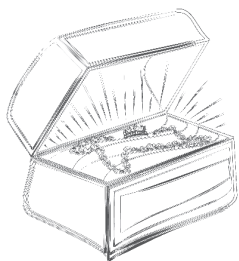
— Какое чудо!

— Камень сей непростой, повелительница, чудесной силой обладает — его в руках великий пророк Заратуштра держал, так посланник шаха говорил.

— Это знаменье, князь! Он послан мне свыше и будет охранять мой трон.

* Большой розовый бриллиант — один из крупнейших розовых бриллиантов в мире, который находился в коллекции Елизаветы Петровны. Этот камень отличался редким цветом и размером, что делало его настоящим сокровищем. Точное местонахождение большого розового бриллианта в настоящее время неизвестно.

ЧАСТЬ 1

Истинная ценность вещи определяется не только её стоимостью, но и теми тайнами, которые она хранит.

Николай Кареев, историк, начало XX века

Глава 1

1982 год, Ленинград

Пятиэтажный дом на проспекте Добролюбова до-революционной постройки выглядел значительно лучше современных панельных пятиэтажек. На ступеньках величественного крыльца вполне уместно смотрелся бы швейцар в ливрее. Швейцара не было, зато побелённые стены подъезда без единой надписи, широкая лестница с деревянными перилами и металлическим орнаментом, витражи в окнах вполне компенсировали его отсутствие.

На площадке третьего этажа Оксана покрутила ручку звонка под медной табличкой «д. м. н, профессор Харитонов А. А.» на двустворчатых деревянных дверях. Открыла сама профессор, приветливо улыбнулась.

— Проходите, молодые люди, обувь не снимайте.

Декана лечебного факультета, заведующую кафедрой внутренних болезней профессора Харитонову Анну Авксентьевну студенты за глаза называли Бабойгой. Не из-за внешности — рослая, статная, с густыми чёрными волосами с лёгким намёком на седины, в свои пятьдесят с небольшим она ещё мог-

ла дать фору иным тридцатилетним институтским красавицам. Прозвище Профессор заслужила по причине вредности характера. Сдать Анне Авксентьевне, не подготовившись, зачёт или получить на халяву допуск к сессии ещё никому не удавалось. А отработка прогулянного занятия превращалась в испытание посерьёзнее, чем госэкзамен.

Зато к выпускникам, желающим посвятить свою жизнь служению науке, Анна Авксентьевна относилась как к родным и горячо любимым детям. Поступление в аспирантуру на кафедру Харитоновой приравнивалось к угадыванию шести цифр в лотерее «Спортлото». Аспиранты профессора Харитоновой блестяще защищались в самых зловредных учёных советах.

Оксану профессор заметила на одной из студенческих научных конференций, оценила живой ум, способность к аналитическому мышлению и умение выделять главное из массы разрозненных фактов.

— У вас, милая моя, прирождённая способность к научному анализу, — сказала Анна Авксентьевна, отловив Оксану в перерыве. — Заканчивайте институт и поступайте ко мне в аспирантуру...

Через два года новоиспечённая аспирантка Оксана Викторовна Сергеева, в девичестве — Шурова, прилетела в Ленинград, чтобы поработать в библиотеке и обсудить с Харитоновой детали своей будущей кандидатской диссертации. Андрей взял на работе короткий отпуск и прилетел вместе с молодой женой, совмещая приятное с полезным. В библиотеку Ленинградского меда поступали самые последние

ТАБАКЕРКА ИМПЕРАТРИЦЫ

номера иностранных неврологических журналов, а у него как раз застопорился литературный обзор будущей докторской диссертации.

— Мы, наверное, мешаем вам отдыхать... — начала Оксана, проходя за хозяйкой в гостиную.

Харитоновна махнула рукой:

— Перестаньте, Оксана, я же сама вас пригласила. Я часто работаю по вечерам, живу одна, муж умер, детей нет. В институте сумасшедший дом, на мне, кроме кафедры, ещё деканат. Кручусь как белка в колесе. А здесь нас никто отвлекать не будет.

Она повернулась к Сергееву.

— Андрей Леонидович, проходите, не стесняйтесь. Наливайте чай, кофе, — Харитоновна показала на журнальный столик, на котором стояли заварочный чайник, полуторалитровый китайский термос, несколько чайных пар, корзинка с сушками, вазочка с вареньем и жестяная банка с дефицитным растворимым кофе*.

— Кипяток в термосе. А мы с вашей супругой позанимаемся в кабинете. Пойдёмте, Оксана.

* Ленинградский растворимый кофе — один из популярных брендов кофейных продуктов советского периода, выпускавшийся ленинградским заводом пищевой промышленности «Кофейная фабрика». Этот своеобразный символ дефицита товаров народного потребления в Советском Союзе конца 1970-х — начала 1980-х годов выпускался с середины XX века, однако наибольший спрос и известность продукт получил именно в эпоху позднего социализма. Растворимый кофе тогда был редкостью и воспринимался как деликатес. Продукт продавался в жестяных банках объёмом двести граммов, и приобрести его в общей торговой сети было очень непросто.

Профессорская квартира с высоченными потолками и гостиной, в которой свободно бы разместилась не только их с Оксаной комната в малосемейном общежитии скорой помощи, но и две соседние, произвела на Андрея не меньшее впечатление, чем подъезд и лестница. Заварив кофе, Андрей устроился в удобном кресле, с интересом разглядывая обстановку: тяжёлую хрустальную люстру, старую, но крепкую и ухоженную мебель, напольные часы с маятником, секретер с затейливой резьбой, величественный сервант. Затем достал из портфеля купленный за сумасшедшие деньги на книжном рынке около Финского вокзала «Пикник на обочине» Стругацких, вопросительно посмотрел на прикрытую дверь кабинета и заварил вторую чашку кофе. В конце концов, ему же сказали не стесняться.

Профессор и Оксана вышли часа через два.

— Вам несказанно повезло, Андрей Леонидович! — объявила Харитоновна. — У вас не просто красивая, а ещё и очень умная подруга. Это большая редкость, берегите её.

Андрей пообещал беречь, Оксана покраснела, но видно было, что комплиментом довольна.

Харитоновна посмотрела на часы.

— Однако, мы засиделись. Прошу простить, мне надо делать инъекцию. Инсулин, — ответила она на невысказанный вопрос гостей, — диабет второго типа, посадила поджелудочную во время блокады.

— Может, я помогу с инъекцией? — предложила Оксана.

— Ну что вы, не надо, я сама, уже не первый год колю.

ТАБАКЕРКА ИМПЕРАТРИЦЫ

Они направились в прихожую. Проходя мимо серванта, Оксана чуть замешкалась, бросив взгляд за стекло.

— Ага, заметила! — обрадовалась Харитонова.

— Я ещё когда сюда заходила, заметила.

Андрей недоумённо переводил взгляд то на сервант, то на жену, то на хозяйку.

— Мужчинам не понять, — улыбнулась Анна Авксентьевна, увидев его удивление. — Племянник мой, стоматолог, — последнее слово было произнесено почти с отвращением, — тоже не замечал, пока цену не узнал.

— Можно достать? — спросила Оксана.

— Конечно, только аккуратно, она очень ценная, и не только в денежном выражении.

Оксана открыла стеклянную створку, взяла стоявшую на полке фарфоровую шкатулку. Андрей подошёл ближе, взглянул через плечо девушки. На крышке шкатулки был изображён портрет женщины с короной на голове.

— «Боже, сохраняй Елисавету Первую», — вслух прочитала Оксана надпись, начертанную буквами старого алфавита.

— Елизавета Первая, императрица, — пояснила профессор, — дочь Петра Первого и Екатерины Первой.

— Можно открыть?

— Конечно, милая.

На внутренней стороне на крышке было изображено сражение: всадники и пешие сошлись в яростной схватке. Судя по обмундированию и вооружению, битва происходила давно.